

А. К. Прокопьева, С. М. Прокопьева

АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ СЕМАНТИЧЕСКОГО ПЕРЕНОСА У КОЛОРАТИВОВ ЯКУТСКОГО И АЛТАЙСКОГО ЯЗЫКОВ

Актуальность исследования обусловлена тем, что семантика цветообозначений якутского языка до настоящего времени не рассматривалась в ракурсе антропоцентрической направленности семантического переноса с колоративами алтайского языка. Цель работы заключается в выявлении универсального и идиоэтнического в дивергентном и конвергентном направлениях переноса у колоративов якутского и алтайского языков. Анализ семантических структур базовых колоративов в якутском и алтайском языках выявил как общие, так и национально-специфические черты. В якутском и алтайском языках у колоративов в результате дивергентного и конвергентного развития и расширения семантики возникают производно-номинативные, переносные, фразеологические значения. Новизна работы состоит в исследовании дивергентного и конвергентного направлений семантического переноса у колоративов якутского и алтайского языков. При анализе многозначности на лексическом и фразеологическом уровнях выделяются дивергентное и конвергентное направления семантического переноса у языковых единиц. Антропоцентрическая направленность семантического переноса у колоративов якутского и алтайского языков достигает своего апогея при наличии образности у фразеологических единиц (ФЕ) по сравнению с лексическими единицами в силу раздельнооформленности структурного состава и полного или частичного переосмысления компонентного состава ФЕ. Общим методом исследования является индуктивно-дедуктивный, к частным относятся метод компонентного анализа, метод фразеологической идентификации и сравнительный анализ колоративов якутского и алтайского языков. Для установления семантической структуры лексических и фразеологических единиц был использован метод анализа словарных дефиниций, приведенный в лексикографических и фразеографических источниках. Авторы приходят к выводу, что в родственных якутском и алтайском языках универсальных цветообозначений больше, чем идиоэтнических, ввиду того что оба языка входят в восточно-хуннскую ветвь тюркских языков. Дальнейшая разработка данной проблемы представляет интерес в связи с постепенным накоплением научных материалов родственных и неродственных языков. Материалы исследования могут быть использованы в теоретических курсах лекций и на практических занятиях по сравнительно-сопоставительному языкознанию.

Ключевые слова: антропоцентризм, колоративы, якутский язык, алтайский язык, лексический и фразеологический перенос

Введение

По Н. А. Баскакову, якутский язык относится к якутской подгруппе уйгурской группы восточной ветви тюркских языков, алтайский язык – к киргизско-кыпчакской группе данной ветви (Баскаков, 2010: 221).

Теоретическую основу составляют труды Н. А. Баскакова (1985), Э. В. Севортяна (1974), А. М. Щербака (1997), А. Н. Майзиной (2006), Е. В. Крапивник (2015), Л. Л. Габышевой (2009) и т. д. Интерес ученых к колоративам подтверждается изданиями статей, монографий и в настоящее время: цветообозначения как способ категоризации художественной действительности (Рындина, 2022), динамика лексики цвета в русском языке (Перфилова, 2022), семантика хроматических цветообозначений на материале якутского олонхо и алтайских, хакасских эпосов (Божедонова, 2020) и другие.

Материал и методы

Общим методом исследования является индуктивно-дедуктивный. К частным относятся метод компонентного анализа, метод фразеологической идентификации, сравнительный анализ и метод анализа словарных дефиниций, данных в используемых лексикографических

и фразеографических источниках. В качестве источников материала исследования послужили толковые словари, в том числе «Словарь якутского языка» (в 3 томах) Э. К. Пекарского (2008), «Большой толковый словарь якутского языка» (в 15 томах) под редакцией П. А. Слепцова (2004–2018), «Ойротско-русский словарь» Н. А. Баскакова, Т. М. Тощакowej (1947), «Русско-алтайский словарь» под редакцией Н. А. Баскакова (1964), «Алтайско-русский словарь» под редакцией А. Э. Чумакаева (2018).

Авторы «Сравнительно-исторической грамматики тюркских языков» (2001) считают, что пласт хроматической лексики в тюркских языках «можно отнести не только к праязыку, но и к более глубокому, протоязыковому состоянию общетюркского языка, когда происходило формирование многих семантических и формальных категорий» (СИГТЯ, 2001: 592).

Прилагательные-цветонаименования подразделяются Е. В. Крапивником на три вида: автологические, металогиические, тропеические (Крапивник, 2015: 34–35).

Антропоцентрическая направленность семантического переноса у колоративов якутского и алтайского языков достигает своего апогея при наличии образности у ФЕ. «Коннотативный компонент значения фразеологизма составляет его основной концепт, функциональную значимость, в соответствии с которой ФЕ появляется в парадигматических отношениях на уровне отбора» (Прокопьева, 1995: 14).

Образная маркированность семантики компонентов в составе ФЕ связана с антропометрическим параметром и релевантна для образования ФЕ. При анализе многозначности ФЕ выделяются дивергентное и конвергентное направления семантического переноса у языковых единиц (Prokorieva, 2014, 2021). При конвергентном развитии семантики слов и ФЕ якутского языка наблюдаются случаи полного или частичного совпадения значений языковых единиц. Дивергентное развитие семантики происходит при несовпадении формальной и/или семантической структуры сравниваемых единиц.

Язык как орудие культуры выражает специфические черты ментальности нации. Культура определяется исследователями как «своеобразная историческая память народа» (Телия, 1996: 226).

По наблюдениям А. Н. Майзиной, «Зачастую формирование цветовой терминологии в рамках той или иной этнической среды зависит от условий быта и жизнедеятельности народа, особенностей местного ландшафта, климата и т. д., в связи с чем и регламентируется общественная потребность людей в выборе конкретных цветовых обозначений» (Майзина, 2006: 17).

Семантическая структура якутских слов манган, үрүҥ и алтайского ак. В тюркских языках белый цвет обозначается словами: «а:q: орх., др.-уйг., аq; крх.-уйг., др.-огуз., ср.-уйг., ср.-кыпч., ср.-огуз. аq; хрзм.-т., чаг., ст.-осм. ау – аq; Ю.-З.: тур., гаг. ак; аз. ау, турк. аq; сал. ах; С.-З.: кар., кбалк., кум., тат., башк., ног., ккалп., каз. аq; Ц.-В.: кирг., алт. аq; Ю.-В.: узб., аq, уйг. аq; С.-В.: сюг., чул., тув. тоф. аq, хак. ах; үрүҥ: орх., ен. үрүҥ, др.-уйг. үрүҥ – jürüҥ (чаще); крх.-уйг., ср.-уйг., ср.-кыпч. үрүҥ, чаг. ewrүҥ; тур. диал. үрүҥ, кирг. (только в сочетаниях) үрүҥ-baraҥ, як. үрүҥ» (СИГТЯ, 1997: 598–601).

Белый цвет в якутском языке представлен двумя лексемами: үрүҥ и манган. Лексема манган считается заимствованной из монгольского языка (ср. цагаан талх ‘белый хлеб’, цагаан тэмээ ‘белый верблюд’, цагаан хаан ‘русский царь’ (досл. белый хан), цагаан цэрэг ‘белогвардеец; белая армия’) (БАМРС, 2001: 1111–1112). Для обозначения белого цвета в алтайском языке служит слово ак.

В пяти номинативно-производных значениях выявилось абсолютное сходство колоративов якутского и алтайского языков: 1. ‘белый цвет’: як. манган/үрүҥ өҥ – алт. ак өҥ; 2. ‘молочные продукты’: як. үрүҥ ас – алт. ак аш (букв.: белая пища); 3. ‘священный’: як. Үрүҥ Айыы ‘божество’ (букв.: белое божество) – алт. ак мал ‘благословенный скот’ (букв.: белый скот); 4. ‘водка’: як. үрүҥ – алт. ак ‘белое’; 5. ‘седой’: як. манган баттах – алт. ак чач ‘седые волосы’.

Колоративы *манган*, *үрүҥ* в якутском и *ак* в алтайском языках содержат положительную коннотацию в обоих исследуемых словах. К примеру, в якутском языке слова *манган*, *үрүҥ* используются в значениях: *үрүҥ күн* ‘белое солнце’, *манган ат* ‘белая лошадь’, *үрүҥ дьиэ* ‘белый дом’ и др. В алтайском языке: *ак мал* ‘белый скот’, *ак чачту* ‘седой’ (букв.: с белыми волосами), *ак јүрөк* ‘чистая душа’ (букв.: белое сердце).

Национальная специфика эксплицирована в дивергентной направленности переноса семантики якутского слова *манган*, *үрүҥ*: 1. ‘хорош во всех отношениях’ – *үрүҥ дьиэ* (букв.: белый дом); 2. ‘чистый, светлый, прекрасный’ (поэт.) – *үрүҥ күн сырдыга* (букв.: свет белого солнца); 3. ‘парадная дверь’ – *үрүҥ аан* (букв.: белая дверь); 4. ‘богатое сословие’ – *үрүҥ дьиэ* (букв.: белый дом); 5. ‘плодотворная работа’ – *үрүҥ көлөһүн* (букв.: белый пот); 6. ‘чистая работа’ (умственная работа, работа в конторе) – *үрүҥ үлэ* (букв.: белая работа); 7. ‘заварник’ – *үрүҥ чаанньык* (букв.: белый чайник); 8. ‘вручить лично в руки’ – *үрүҥ илиитигэр биэр* (букв.: дать в белые руки); 9. ‘император’ – *үрүҥ ыраахтааҕы* (букв.: белый царь); 10. ‘жизнь’ – *үрүҥ тыын* (букв.: белая душа).

В алтайском языке выявлены следующие значения, не присущие якутскому языку: «1. ‘открытый, пустой, голый’ – *ак јалан* ‘чистая, открытая поляна’ (букв.: белая поляна); 2. ‘бельмо’ – *көзине ак түшкен* // *көзине ак түжүн калган* ‘в глазах появилось бельмо’ (букв.: на глаза белое упало); 3. ‘чистый, невинный’ – *ак болзын*» (Майзина, 2006: 84).

ФЕ с колоративным компонентом үрүҥ/ак:

як. *үрүҥ күн сырдыга баҕалаах* ‘жизнь дорога’ (букв.: свет подсолнечного мира желателен), *үрүҥ күнтэн матта* ‘уходить из жизни’ (букв.: [он] лишился белого солнца), *үрүҥ тыынын өрүһүй* ‘спасать от гибели кого-либо, спасать жизнь чью-либо’ (букв.: белое его дыхание спасать) (Нелунов, 2002: 297–299);

алт. *ак сагышту* (ак санаалу) ‘добрый, доброжелательный, отзывчивый’ (букв.: с белыми мыслями); *ак јүрөктү* ‘добрый, добросердечный, добродушный, отзывчивый’ (букв.: с белым сердцем); *актын агы* ‘самый честный’ (АРС, 2018: 47).

Результаты проведенного исследования показывают, что у данных слов представлены пять конвергентных направлений переноса, остальные десять значений репрезентируют дивергентное направление переноса для каждого языка в отдельности.

В целом можно сказать, что совпадения значений якутских слов *манган*, *үрүҥ* и алтайского слова *ак*, в том числе и фразеологических, обусловлены одинаковым восприятием якутами и алтайцами белого цвета как позитивного, благоприятного. В негативном значении слова *манган*, *үрүҥ* и *ак* не употребляются.

Семантическая структура якутского слова хара и алтайского слова кара. Черный цвет *хара/кара* в якутской и алтайской лингвокультуре имеет как негативную, так и положительную коннотацию.

Сходство семантики якутского слова *хара* и алтайского слова *кара* в основном наблюдается на уровне производно-номинативных значений. Общими для данных слов являются значения: 1. ‘темный’: як. *хара түүн* – алт. *кара түн* (букв.: черная ночь); 2. ‘смуглый’: як. *хара кыыс* – алт. *кара кыс* (букв.: черная девушка); 3. ‘грязный’: як. *хара илии* – алт. *кара кол* (букв.: черная рука); 4. ‘зрачок’: як. *харах харата* – алт. *көстүг каразы* (букв.: чернота глаз); 5. ‘печальный’: як. *хара күннэр* – алт. *кара күндөр* (букв.: черные дни); 6. ‘негативный’: як. *хара кэмнэр үүннүлэр* (букв.: настали черные времена) – алт. *Сен бистин сүүжибистен эмес, каргышту каранан бүткен болбойын* ‘Наверное, ты родился не от нашей любви, а от проклятого зла’ (букв.: от проклятого черного); 7. ‘темные силы, злые духи’: як. *хара дьай* – алт. *Эй, каралар! Эй, злые духи!* (букв.: Эй, черные!); 8. ‘тяжелая работа’: як. *хара үлэ* – алт. *кара иш* (букв.: черная работа); 9. ‘множество’: як. *хара сэрии кус (түөлбэ)* ‘много уток’ (букв.: черная ар-

мия уток) – алт. *кара черу* ‘многочисленная армия’, *кара јон* ‘народ’ (букв.: черный народ); 10. ‘густой’: як. *хара тыа* – алт. *кара арка* ‘густой лес’ (черный лес); 11. ‘обильный’: як. *хара уу* ‘обильный пот’ – алт. *кара тер* ‘обильный пот’ (букв.: черный пот); 12. ‘совершенно, очень, абсолютно’: як. *хара сарсыардаттан* ‘с раннего утра’ (букв.: с черного утра) – алт. *кара јойу* ‘совершенно пеший’ (букв.: черный пеший).

В семантической структуре якутского слова *хара* благодаря дивергентному направлению переноса возникли присущие только данному языку коннотации: 1. ‘мясная, рыбная пища’: *харата суох олороллор* ‘живут без мяса/рыбы’ (букв.: живут без черной пищи); 2. ‘человек’ (эвф.): *Хараларым – дьонум* (А. Е. Кулаковский) (букв.: Мои черные – мои люди) 3. ‘выйти в люди’: *киһи-хара буол*; 4. ‘низшая каста, низший слой’: *хара дьуэ* ‘пристрой или меньшая часть дома, служащая кухней, а в старину – помещением для прислуги’ (букв.: черный дом); 5. ‘с самого начала, от начала’: *хара маннайгыттан* (букв.: с черного начала); 6. ‘результат тяжелой работы’: *хара көлөһүммүн тохтум* ‘проделал тяжелую работу’ (букв.: пролил черный пот); 7. ‘потроха’: *хара ис* (букв.: черная внутренность); 8. ‘второе половодье’: *хара уу* (букв.: черная вода); 9. ‘питательная жидкость, заполняющая защитную оболочку плода, околоплодные воды’ (у коров или кобыл): *хара уу* (букв.: черная вода); 10. ‘жить впроголодь’: *хара уунан* (на одной только воде) (букв.: на черной воде). 11. ‘неотделанное еще (что-либо железное), вышедшее прямо из-под молотка’: *баллай харата, баллыр харата*; 12. ‘для виду, нехотя, через силу’: *аат эрэ харата*; 13. ‘рогатый скот’: *хара түүлээх* (букв.: имеющий черную шерсть). Якуты крупный рогатый скот называют *хара түүлээх*, а лошадей – *урун түүлээх*; 14. ‘лиственничный строевой лес на корню’: *хара мас* (букв.: черное дерево); 15. ‘черный, черновой пол для утепления’: *хара муоста* (букв.: черный пол); 16. ‘дождь, перемежающийся со снегом’: *хара самыыр* (букв.: черный дождь); 17. ‘крутой обрывистый берег, яр, обрыв’: *хара сыыр* (букв.: черная горка); 18. ‘болезнь растений, вызываемая почвенными грибами, когда на корнях и прикорневой части стебля появляются серо-свинцовые пятна с черными точками, ризоктониоз, черная парша’: *хара атаһ* (ымынах) (букв.: черная ножка).

В алтайском языке выявлены в результате дивергентного направления переноса значения образные омонимичные значения, не присущие якутскому языку: 1. ‘лучший’: *каразын талдап* ‘выбирая лучших’ (букв.: выбирая черных); 2. ‘без примеси’: *кара чай* ‘чай без молока’; 3. ‘крепкий’: *кара болот* ‘стальной меч’ (букв.: черный меч).

На фразеологическом уровне конвергентность направления переноса значения эксплицирована в якутском и алтайском языках четырьмя абсолютно совпадающими ФЕ с компонентами *хара/кара* ‘черный’: 1) ‘злой, коварный, злопамятный’: як. *хара санаалаах* – алт. *кара санаалу* (букв.: с черными мыслями); 2) ‘злой умысел, злобность’: як. *хара санаа* – алт. *кара санаа* (букв.: черная мысль); 3) ‘гневаться’: як. *хара хааны кыыннаа* – алт. *кара каны кайна* (букв.: черная кровь-его кипит); 4) ‘мало’: як. *тынгырах харатын саҕаны* – алт. *тырмактын-каразынча* (букв.: с ногтевую черноту).

Следует особо отметить яркую образность и широко разветвленное направление переноса в якутском языке слова *хара* в отличие от алтайского, что свидетельствует о богатом образном мышлении якутов при вербализации окружающей действительности.

Семантическая структура якутского слова *кыһыл* и алтайского слова *кызыл*. О символике красного цвета в алтайской лингвокультуре А. Н. Майзина пишет: «В мировосприятии алтайцев красный цвет олицетворяет собой молодость, красоту, здоровье... ассоциируется с огнем, кровью, символизирует физическую силу, мощь, жизненные силы» (Майзина, 2006: 126).

Анализ семантических структур якутского *кыһыл* и алтайского слова *кызыл* показал, что у рассматриваемых слов имеются шесть конвергентных направлений переноса: 1. ‘цвет’: як. *кыһыл күн* – алт. *кызыл күн* (букв.: красное солнце); 2. ‘алый, румяный’: як. *кыһыл издэс* – алт. *кызыл јаак* ‘румяные щеки’ (букв.: красные щеки); 3. ‘рыжий’: як. *кыһыл бытык* – алт. *кызыл*

сагал ‘рыжая борода’ (букв.: красная борода); 4. ‘спелый’: як. *кыһыл отон* ‘брусника’ – алт. *кызыл алама* ‘красное яблоко’; 5. ‘красноармеец’ (ист.): як. *кыһыл* – алт. *кызыл* (букв.: красный); 6. ‘алый, румяный’ (о щеке) як. *кыһыл издэс* – алт. *кызыл качар*.

Выявлено четыре специфических значения слова *кызыл* алтайского языка: «1. ‘молодой, здоровый, крепкий’: *кызыл-марал кыстар* ‘юные девушки’ (букв.: красные багульник девушки); 2. ‘красивый’: *Кымыс кызыл* ‘Кымыс хороша, красива’ (букв.: Кымыс красная); 3. ‘жизнь’: *кызыл тын* (букв.: красное дыхание); 4. ‘абсолютно, совершенно’: *кызыл эт* ‘голый’ (букв.: красное тело)» (Майзина, 2006: 131).

У ФЕ с колоративным компонентом *кыһыл/кызыл* ‘красный’ сравниваемых языков имеются три полностью совпадающих значения: 1) ‘пустословие, фразерство’: як. *кыһыл тылынан* – алт. *кызыл тилле* (букв.: красным языком); 2) ‘голыми руками’: як. *кыһыл илиитинэн* – алт. *кызыл колло* (букв.: красными руками); 3) ‘с пустыми руками’: як. *кыһыл ытыһынан* – алт. *кызыл кол* (букв.: с красными ладонями/руками).

Семантическая структура слова *күөх* и алтайского слова *көк*. В «Сравнительно-исторической грамматике тюркских языков» говорится о неясной этимологии слова *көк*: «Первичная семантика слова *көк* – ‘небо’. В процессе развития слово приобрело значение цветов по характеру различных окрасок неба: ‘синий, голубой, сизый, серый, зеленый’ – развитие семантики шло от существительного к прилагательному» (СИГТЯ, 2006: 331).

«Синий цвет в мировоззрении алтайцев воспринимается как цвет неба и ассоциируется с силой, мощью, молодостью и вечностью, чему способствовал культ неба – тенгрианство... также с образом синего, серого волка – тотемом-прародителем могущественных тюрков» (Майзина, 2006: 161–162). У якутов голубой и синий цвета являются символами «синего бездонного пространства с “синим дыханием” (*күөх тыын*), а также “салгын кут” (‘воздух-душа’))».

В семантических структурах слов *күөх/көк* обнаружено шесть одинаковых значений. Но в отличие от алтайского слова *көк* якутское слово *күөх* не имеет значений ‘седой’ и ‘серый’.

Конвергентность направления переноса проявляется в следующих значениях: 1. ‘цвет’: як. *күөх от* ‘зеленая трава’ – алт. *көк тенгери* ‘синее небо’; 2. ‘молодая, свежая трава, зелень’: як. *быйылгы күөх* – алт. *көк*; 3. ‘синяк’: як. *күөх баламах* ‘сплошные синяки’ – алт. *көзи көк* ‘глаз-его в синяке’ (букв.: глаз (его) синий); 4. ‘голубой’: як. *сырдык халлаан күөбэ* – алт. *көк тенгери* ‘голубое небо, синее небо’; 5. ‘зеленый’: як. *от күөбэ* – алт. *көк обоо* ‘зеленый (свежий) стог’; 6. ‘серый’: як. *күөх бөрө көтүтүгэр охтор үсү* (заг.) (Пек.) ‘говорят, серый волк на прыжке падает’ (дым) – алт. *көк бөрү* ‘серый волк’ (букв.: синий волк); 7. ‘незрелый’: як. *күөх отон* ‘незрелая ягода’ – алт. *көк арбанын чарагы* ‘зерно неспелого ячменя’.

В семантической структуре якутского слова *күөх* найдены четыре дивергентных направления переноса: 1. ‘вена’: *күөх тымыр* (букв.: синяя вена); 2. ‘пора, отличающаяся появлением зелени’: *күөххэ тиийбит киһи* ‘дожить бы до лета’; 3. ‘жизнь’: *күөх тын* (букв.: голубое дыхание) (Пек.); 4. ‘неудача, несчастье’: *күөх дьай* (устар.) (букв.: синяя сила).

В алтайском языке выявлены омонимичные по отношению к якутскому языку значения: «1. ‘небо’: *көк*; 2. ‘седой’: *көк баишту кижии* ‘человек с седыми, пепельного цвета волосами’ (букв.: ‘человек с синей головой’); 3. ‘бог’: *көк / көк тенгери* ‘голубое небо, синее небо’; 4. ‘совершенно, абсолютно’: *көк төгүн* ‘абсолютная ложь’ (букв.: синяя ложь)» (Майзина, 2006: 173–174). Различия данных слов обнаруживаются в основном при дивергентном развитии переносных значений.

В сравниваемых языках имеются две ФЕ с конвергентным направлением переноса компонентов *күөх/көк* ‘синий, зеленый’: 1) ‘лентяй’: як. *күөх сүрэх* (букв.: зеленое сердце) / *күөх көтпө* (лодырь, бездельник) – алт. *көк житке* (букв.: синий затылок). Здесь в образовании ФЕ, обозначающей *лентяй*, использованы разные соматизмы; 2) ‘большой, абсолютный лгун’: як. *күөх албын* – алт. *көк төгүнчи* (букв.: зеленый лгун).

Семантическая структура якутского слова *борон* и алтайского слова *боро*. Серый цвет в якутском языке обозначается словом *борон*, в алтайском – *бос* (реже) и *боро*. Данные цвето-наименования считаются заимствованными из монгольского языка. В других тюркских языках серый цвет обозначается словом *боз*. «Предпочтительность монгольского варианта *боро* в тюркских языках Сибири обусловлено прежде всего тем, что в прошлом тюркские племена Алтая и Сибири длительное время находились под властью монголов» (Майзина, 2006: 150). В этимологии данного слова мнения ученых расходятся. А. Н. Майзина придерживается мнения о том, что «монгольское слово *боро* является тюркизмом, восходящим к древнетюркскому *боз*» (Майзина, 2006: 150).

Серый цвет у алтайцев, по мнению А. Н. Майзиной, «не обладает какой-либо определенной символикой» (Майзина, 2006: 152), «ассоциируется с серостью, повседневностью» (Майзина, 2006: 162). Слово *борон* в якутском языке также носит нейтральный характер. Так, в фольклорных источниках *ураанхай* (самоназвание народа саха) имеет эпитет *борон*: *Боһоллоох дьыл обургу / Босхо бастаах / Борон Ураанхайы / Буор дьиз анныгар / Боһутуннаран олоһута* (Кулаковский). «Свирепость зимы / Вертлявоголовых / Серолицых людей / В смрадных избах / Заставила было покорно жить» (Кулаковский, 1986: 242) (букв.: смуглолицый люд), используется в значении «непримечательный, посредственный».

Общим для семантики якутского слова *борон* и алтайского слова *боро* является значение «серый, непримечательный»: як. *борон таһаа* – алт. *бон ло боро* «совсем неважный» (букв.: серый-пресерый).

В якутском языке выявлены следующие значения, не присущие алтайскому языку: 1. «бурый»: *борон чох* «бурый уголь»; 2. «самоназвание якутов»: *борон ураанхай* (фольк.) (букв.: смуглолицый люд).

В семантической структуре алтайского слова *боро* найдены не присущие якутскому языку значения: «1. «мутный»: *суунын өңи бон-боро* – «цвет воды мутный-мутный»; 2. «серый; посредственный, неважный»: *Ол күндөр боро болгон* «Те дни были серыми»; 3. «печальный, грустный»: *бон-боро чырайынан* «по мрачному лицу» (букв.: серому-пресерому лицу); 4. «седой»: *боро чачту* «с седыми волосами» (букв.: с серыми волосами)» (Майзина, 2006: 152–155).

Якутское слово *борон* и алтайское слово *боро* имеют общие переносные значения «незрачный», «серый, посредственный, неважный». Эти значения обусловлены символикой серого цвета, олицетворяющего собой серость, повседневность, посредственность.

Заключение

Основные цветоименования в якутском и алтайском языках активно используются в слово- и фразеобразовании. Выявлено, что цветолексемы *манан*, *үрүн/ак* «белый», *хара/кара* «черный», *кыһыл/кызыл* «красный» и *күөх/көк* «синий» цвета в обоих исследуемых языках развивают производно-номинативные, переносные, фразеологические значения.

Абсолютное сходство наблюдается в 39 значениях колоративов (белый – 5, черный – 16, красный – 11, синий – 9), из них 9 – у ФЕ. Конвергентное направление переноса превалирует в якутском языке – 32, в алтайском языке – 16. В остальных случаях наблюдается дивергентное направление переноса.

Таким образом, принадлежность к восточно-хуннской ветви тюркских языков предопределило преобладание универсальных цветообозначений над идиоэтническими, специфика семантики колоративов сравниваемых языков объясняется особенностями быта народа, климата и т. д.

Дальнейшее изучение данной проблемы представляет большой интерес в связи с постепенным накоплением научных материалов по колоративной лексике на материале родственных и неродственных языков.

Список лексикографических источников

- АРС** – Алтайско-русский словарь / отв. ред. канд. филол. наук А. Э. Чумакаев. Горно-Алтайск, 2018. 936 с.
- БАМРС** – Большой академический монгольско-русский словарь в четырех томах / под общ. ред. ак. АН Монголии А. Лувсандэндэва и доктора филол. наук, проф. Ц. Цэдэндамба; отв. ред. доктор филол. наук, проф. Г. Ц. Пюрбеев. Ок. 70 000 слов. М.: ACADEMIA, 2001. 2007 с.
- Нелунов А. Г.** Якутско-русский фразеологический словарь. Новосибирск: Изд-во СО РАН, филиал «Гео», 2002. Т. 1. 287 с.; Т. 2. 420 с.
- Севортян Э. В.** Этимологический словарь тюркских языков: общетюркские и межтюркские основы на гласные. М.: Наука, 1974. 768 с.

Литература:

- Баскаков Н. А.** Тюркская лексика в «Слове о полку Игореве». М.: Наука, 1985. 205 с.
- Баскаков Н. А.** Тюркские языки: 4-е изд. М.: Изд-во ЛКИ, 2010. 248 с.
- Божедонова А. Е.** Семантика хроматических цветообозначений желтый, синий и зеленый в эпических текстах (сопоставительный анализ на материале якутского олонхо и алтайских, хакасских эпосов) // Международный научно-исследовательский журнал. 2020. № 12 (102), ч. 3. С. 114–120.
- Габышева Л. Л.** Фольклорный текст: семиотические механизмы устной памяти. Новосибирск: Наука, 2009. 143 с.
- Кононов А. Н.** Семантика цветообозначений в тюркских языках // Тюркологический сборник 1975. М., 1978. С. 158–179.
- Крапивник Е. В.** Аспекты систематизации прилагательных-цветонаименований русского языка: дис. ... канд. филол. наук. М., 2013.
- Крапивник Е. В.** Цветонаименования: аспекты систематизации. М.: Флинта, 2015. 144 с.
- Кулаковский А. Е.** Ырыа-хоһоон. Якутск: Кн. изд-во, 1986. 136 с.
- Майзина А. Н.** Семантическое поле цветообозначений алтайского языка в сопоставлении с монгольским языком: дис. ... канд. филол. наук. Горно-Алтайск, 2006. 208 с.
- Перфилова М. Н.** Динамика лексики цвета в русском языке: автореф. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2022. 27 с.
- Прокопьева С. М.** Проблема фразеологической образности в исследовании универсально-типологического и национально-специфического в фразеологической системе языка. М.: Мир книги, 1995. 163 с.
- Рындина Ю. В.** Цветообозначения как способ категоризации художественной действительности (на материале романа Лиона Фейхтвангера «Die hässliche Herzogin») // Филология: научные исследования. 2022. № 5. С. 44–52.
- Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков.** Лексика. М.: Наука, 2001. 822 с.
- Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков.** Пратюркский язык – основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка. М.: Наука, 2006. 908 с.
- Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков:** Лексика. М.: Наука, 1997. 799 с.
- Телия В. Н.** Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 228 с.
- Щербак А. М.** Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков (Имя). Л.: Наука, 1997. 191 с.
- Prokopenva S. M.** Divergence of direction of semantic transfer on phraseological level // Life Science Journal. 2014. № 11. P. 130–134.
- Prokopenva S. M.** Konvergente und divergente Entwicklung der Semantik bei den vieldeutigen Phraseologismen der jakutischen Sprache // Uluslararası Yakutça Araştırmaları. Türkiye, Hacettepe Üniversitesi, 2021. P. 169–178.

Прокопьева Алена Кирилловна.

Кандидат филологических наук, доцент.

Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова.

Ул. Кулаковского, 42, Якутск, 677000.

E-mail: alonachoo@mail.ru

Прокопьева Светлана Митрофановна.

Доктор филологических наук, профессор.

Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова.

Ул. Кулаковского, 42, Якутск, 677000.

E-mail: dsmplana@mail.ru

Материал поступил в редакцию 7 июня 2023 г.

A. K. Prokopieva, S. M. Prokopieva

ANTHROPOCENTRIC SEMANTIC CHANGE IN YAKUT AND OLD ALTAIC COLOR NAMES

So far, the semantics of Yakut and Altaic color names have not been analyzed from the anthropocentric perspective of semantic change. The study aims to show the universal and ethnic peculiarities in the semantic divergence and convergence of Yakut and Altaic color names. The analysis of the semantic structure of basic color lexemes in Yakut and Altaic languages revealed both common and specific features. Both Yakut and Altaic color names develop derivational-referential, figurative, and phraseological meanings as a result of divergent and convergent development and expansion of semantics. For the first time, the semantic divergence and convergence in Yakut and Altaic color names are examined. The analysis of lexical and phraseological polysemy shows divergence and convergence in the semantic change of lexical units. The anthropocentrism of semantic change in Yakut and Altaic color names is revealed when phrasemes develop a figurative meaning due to structural separability, and complete or partial reinterpretation of their constituents. The general research method is induction-deduction, and the linguistic methods include componential analysis, the method of phraseological identification, and the comparative analysis of Yakut and Altaic color names. The analysis of dictionary entries in lexicographic and phraseographic sources was used to describe the semantic structure of lexical and phraseological units. It was found that Yakut and Altaic, as related languages, have more universal than ethnically specific color names, as they both belong to the Eastern Hun branch of the Turkic language, while ethnically specific color names are determined by lifestyle and climate. The continuous accumulation of research material on related and unrelated languages and the breakthroughs in information technology keep the interest in the further development of this problem alive. The research material can be used in theoretical lectures and practical courses on comparative linguistics.

Keywords: *anthropocentrism, color names, Yakut, Altai, lexical and phraseological unit, divergence and convergence of semantic change*

Lexicographic Sources:

ARS – Altajsko-russkij slovar' [Altai-Russian dictionary]. Gorno-Altajsk, 2018. 936 p.

BAMRS – Bol'shoj akademicheskij mongol'sko-russkij slovar' [Great academic Mongolian-Russian dictionary]. Ed. by A. Luvsandjendjeva, C. Cjedjendamba. Ed. in Chief G. C. Pjurbeev. Ca. 70,000 words. Moscow: ACADEMIA, 2001. 2007 p.

Nelunov A. G. Jakutsko-russkij frazeologicheskij slovar' [Yakut-Russian phraseological dictionary]. Novosibirsk: SB RAS Publishing, Geo Branch, 2002. Vol. 1. 287 p. Vol. 2. 420 p.

Sevortjan Je. V. Jetimologicheskij slovar' tjurkskih jazykov: Obshhetjurskie i mezhtjurskie osnovy na glasnye [Etymological dictionary of Turkic languages: Common Turkic and Inter-Turkic stems ending with vowels]. Moscow: Nauka, 1974. 768 p.

References:

Baskakov N. A. Tjurkskaja leksika v "Slove o polku Igoreve" [Turkic vocabulary in "The Tale of Igor's Campaign"]. Moscow: Nauka, 1985. 205 p.

Baskakov N. A. Tjurkskie jazyki [Turkic languages]. 4th edition. Moscow: Publishing Housevo LKI, 2010. 248 p.

Bozhedonova A. E. Semantika hromaticheskikh cvetooboznachenij zheltyj, sinij i zelenyj v jepicheskikh tekstah (sopostavitel'nyj analiz na materiale jakutskogo olonho i altajskikh, hakasskikh jeposov [Semantics of chromatic color names yellow, blue and green in epic texts (a comparative analysis of Yakut Olonkho and Altai, Khakass epics)] // Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal. 2020. No. 12 (102), Part 3. P. 114–120.

Gabysheva L. L. Fol'klornyj tekst: semioticheskie mehanizmy ustnoj pamjati [Folklore text: semiotic mechanisms of oral memory]. Novosibirsk: Nauka, 2009. 143 p.

Kononov A. N. Semantika cvetooboznachenij v tjurkskikh jazykah [Semantics of color names in Turkic languages] // Tjurkologicheskij sbornik 1975. Moscow, 1978. P. 158–179.

Krapivnik E. V. Aspekty sistematizacii prilagatel'nyh-cvetonaimenovanij russkogo jazyka [Some aspects of systematization of adjective color names in Russian]. Cand. of Sci. Dissertation. Moscow, 2013.

- Krapivnik E. V.** Cvetonaimenovanija: aspekty sistematizacii [Color names: some aspects of systematization]. Moscow: FLINTA, 2015. 144 p.
- Kulakovskij A. E.** Yrya-hohoon [Epic poetry]. Yakutsk: Book Publishing, 1986. 136 p.
- Majzina A. N.** Semanticheskoe pole cvetooboznachenij altajskogo jazyka v sopostavlenii s mongol'skim jazykom [Semantic field of Altai color names as compared to Mongolian]. Cand. of Sci. Dissertion. GornoAltajsk, 2006. 208 p.
- Perfilova M. N.** Dinamika leksiki cveta v russkom jazyke [Dynamics of color vocabulary in Russian]. Thesis of Cand. of Sci. Diss. Tambov, 2022. 27 p.
- Prokopieva S. M.** Problema frazeologicheskoy obraznosti v issledovanii universal'no-tipologicheskogo i nacional'no-spezificheskogo v frazeologicheskoy sisteme jazyka [Problem of phraseological figurativeness in investigation of universal and specific features of the phraseological system of language]. Moscow: Mir knigi, 1995. 163 p.
- Prokopieva S. M.** Divergence of direction of semantic transfer on phraseological level // Life Science Journal. 2014. No. 11. P. 130–134.
- Prokopieva S. M.** Konvergente und divergente Entwicklung der Semantik bei den vieldeutigen Phraseologismen der jakutischen Sprache // Uluslararası Yakutça Araştırmaları. Türkiye, Hacettepe Üniversitesi, 2021. P. 169–178.
- Ryndina Ju. V.** Cvetooboznachenija kak sposob kategorizacii hudozhestvennoj dejstvitel'nosti (na materiale romana Liona Fejhtvangera "Die hässliche Herzogin") [Color names as a way to categorize reality in fiction (illustrated by the novel by Lion Feuchtwanger "Die hässliche Herzogin")] // Filologija: nauchnye issledovanija. 2022. No. 5. P. 44–52.
- Shherbak A. M.** Oчерки po sravnitel'noj morfologii tjurkskih jazykov (Imja) [Essays of comparative morphology of Turkic languages (Name)]. Leningrad: Nauka, 1997. 191 p.
- Sravnitel'no-istoricheskaja grammatika tjurkskih jazykov.** Leksika [Comparative-historical grammar of Turkic languages. Vocabulary]. Moscow: Nauka, 2001. 822 p.
- Sravnitel'no-istoricheskaja grammatika tjurkskih jazykov.** Pratiurkskij jazyk – osnova. Kartina mira pratiurkskogo jetnosa po dannym jazyka [Comparative-historical grammar of Turkic languages. Proto-Turkic. Picture of the world of the Proto-Turkic ethnos according to linguistic data]. Moscow: Nauka, 2006. 908 p.
- Sravnitel'no-istoricheskaja grammatika tjurkskih jazykov:** Leksika [Comparative-historical grammar of Turkic languages: Vocabulary]. Moscow: Nauka, 1997. 799 p.
- Telija V. N.** Russkaja frazeologija. Semanticheskij, pragmaticheskij i lingvokul'turologicheskij aspekty [Russian phraseology. Semantic, pragmatic and culturological aspects]. Moscow: School "Languages of Russian Culture", 1996. 228 p.

Prokopieva Alena Kirillovna.

Candidate of Philological Sciences, Docent.

M. K. Ammosov Northeastern Federal University.

Kulakovskogo str., 42, Yakutsk, Russia, 677000.

E-mail: alonachoo@mail.ru

Prokopieva Svetlana Mitrofanovna.

Doctor of Philological Sciences, Professor.

M. K. Ammosov Northeastern Federal University.

Kulakovskogo str., 42, Yakutsk, Russia, 677000.

E-mail: dsmplana@mail.ru